

Ран Ларсин

ДЕВЯТЬ

КРУГОВ

ЛЮБВИ

КНИГА-СЭФЕР
2013

Рам Ларсин
Девять кругов любви

«Книга-Сэфер»

2013

Ларсин Р.

Девять кругов любви / Р. Ларсин — «Книга-Сэфер», 2013

«Это рассказ о последних влюбленных на земле. Понимаете, любовь придумали чувствительные люди, которые устыдились животности того, что происходит между мужчиной и женщиной, и стали прикрывать ее стихами, музыкой. Но этой романтике остается все меньше места в нашем циничном мире, разрушающем самого себя...»

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	17
Глава третья	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Рам Ларсин

Девять кругов любви

Они не говорили об этом. Их взгляд не задерживался на разрушенных зданиях, которые остались от беды, постигшей Иерусалим и называемой «то, что случилось». Люди продолжали работать, учиться, воспитывать детей, танцевали, сходясь на вечеринках, смеялись. Но иногда, погруженный в собственные мысли или беседу с приятелем, кто-нибудь из них будто пробуждался ото сна и вдруг оглядывался в растерянности и боли.

Андрей, приехавший сюда из Питера два года назад, не сразу оценил этот стоицизм, потому что евреи нередко раздражали его какой-то вымученной спесью, гордыней своей униженности. Сенька, конечно, не в счет. Да и в Юдит он не находил этого – Юдит, чье имя на его родине вызвало бы усмешку, здесь звучало по-другому.

Она и была другой и отпечаталась в нем сразу и навсегда, подобно телам в застывшей лаве Везувия, среди которых его особенно поразили очертания женщины, словно спящей под серым одеялом магмы.

Он отправился в Италию со своими однокурсниками по настоянию профессора, считавшего, что будущим археологам необходимо увидеть это собственными глазами. Потерянно обходили они колонны, уже ничего не подпиравшие, и обожженные огнем камни, представляя гибель Помпеи по знаменитому полотну, но без брюловской помпезности, вспышку страшного гнева, уничтожившую город, два города – как некогда Содом и Гоморру. Тут угадывался единый стиль, нет, не Юпитера, снисходительного к Нерону и Калигуле, а Его, невидимого, не забывающего зла и брезгливого к разврату. «Старик не выносил этого». Так сказал их гид, свирепо покусывая бороду, высокий и худой, в длинном пальто, похожем на сутану.

Андрей вспомнил эти слова потом, в Иерусалиме, где он очищал от обломков церковь, рухнувшую, когда «это случилось». Он повторил их Юдит, и она сдержанно улыбнулась. Андрей не мог смотреть на нее, чтобы тут же физически не ощутить ее губы, грудь, бедра, сопротивлявшиеся не только его рукам, но и одному начальному взгляду. Эта постоянная борьба измучила, истощила вконец Андрея. Вот когда он наткнулся на стену трехтысячелетнего аскетизма, где не часто и не без труда открывал желанную брешь.

Глядя с Масличной горы на развалины, которые еще лежали между вновь возведенными зданиями, он сказал:

– История повторяется, правда?

Юдит, казалось, не слышала его. Она сразу уходила в себя, как каждый из ее соотечественников, если кто-нибудь вспоминал тот день.

Они не говорили об этом.

Глава первая

Перед уходом Георгий Аполлинарьевич не мог отказать себе в удовольствии еще раз взглянуть на «Богородицу» – четырнадцатый век, школа Феофана Грека.

– Знаете, Андрей, я не перестаю удивляться тому, что из всех вещей, обнаруженных нами между упавших балок, камней, штукатурки – только она совершенно не пострадала. Может быть, верующим дано понять это, но не мне.

Профессор задумался на мгновение.

– Какое обаяние, наверное, исходило от Марии из Назарета, если родив внебрачного сына, она не утратила целомудрия во мнении людей тогда и через много веков, когда художник писал ее в далекой отсюда России.

– Отличная мысль! – отметил Владимир тихо, но так, чтобы профессор услышал.

– Да, – подмигнув, согласился Саша.

– Нужно бы это записать, – сказал Иван Тине и слегка ущипнул ее, чтобы она не засмеялась.

Лысина Георгия Аполлинарьевича, который по-детски любил комплименты, сияла под солнечными лучами, проникавшими сверху через огромную дыру – все, что осталось от высокого, в цветных витражах купола.

– Ну, на сегодня хватит, – профессор пропустил своих коллег вперед и стал закрывать тяжелую кованую дверь.

– У нас посетители! – объявил Андрей.

Действительно, двое любопытных осматривали рухнувшую стену церкви там, где ее обломки смешались с развалинами соседнего здания.

– Чем могу служить? – сухо спросил Георгий Аполлинарьевич, не терпевший посторонних.

Гости подошли ближе.

– Рав Бар Селла, – представил своего спутника низенький юркий человек.

Тот поклонился. Шляпа, крахмальная белизна рубашки, черное пальто, одетое в августовскую жару – удивляло не это, а его звание – раввин, хотя он был немногим старше Андрея – лет двадцати восьми.

Бар Селла постарался как можно мягче объяснить цель своего визита. Его иврит со сложными, круглыми периодами мало напоминал язык, слышанный Георгием Аполлинарьевичем повседневно. Поэтому он рассеянно кивал большой лысой головой, пока Андрей не вмешался, сказав, что дело серьезно. Речь шла о запрете производить раскопки там, где под руинами могут лежать останки людей – с тех пор, как «это случилось».

– Ну, знаете, – начал сердиться профессор, – нас не раз останавливали по тем или иным причинам, и на продолжительное время, – Андрей тщательно переводил. – Я не помню, чтобы мы работали полгода без очередного распоряжения властей прекратить это. А потом, после нашего протеста – все кончалось миром.

– К сожалению, возникли новые обстоятельства, – сказал раввин.

Георгия Аполлинарьевича это не убедило. Он уже встречался с подобными обстоятельствами и никогда не отступал. В трудные минуты – на Тибете или возле египетских пирамид – профессор говорил своим зычным голосом, что Шлиману приходилось втрое тяжелее, чем Приаму (ударение делалось на Трое). Но здесь, среди камней иерусалимской церкви, ему не удалось взбодрить окружавших его коллег. Усталые, еще со следами песка и глины на руках, они тоже не скрывали своего возмущения словами Бар Селлы. Только Тина, единственная женщина в группе, оценила тонкую одухотворенность физиономии гостя, завершавшуюся смоляной бородкой, и то, что ни капли пота не было на его темном лбу и породистом, чуть надмен-

ном носу. Да и Андрей за два года пребывания в этой стране не встречал раввинов такого типа. Может быть, их тайно выращивали для Третьего храма, что встанет когда-нибудь на месте уничтоженного Титом?

– Вам будет послано письменное уведомление, – сказал помощник, и оба пошли к стоящей невдалеке машине.

– Я так дела не оставлю! – негодовал Георгий Аполлинарьевич. – Немедленно подам в суд! Передайте им это, Андрей!

Тот, шагая рядом с раввином, перевел, добавив от себя:

– Нуткаф, наткиф!

Рав был приятно поражен. Служба в официальном ведомстве не сделала его чиновником:

– Хорошо и вовремя сказано!

– Спасибо.

Израильтяне часто хвалили иврит Андрея, не слишком радуя его, потому что за этим пряталось удивление оттого, что русский способен постичь их язык.

Раввин направился к большому черному автомобилю, но что-то заставило его оглянуться.

– Юдит! – прошептал он одними губами, увидев среди прохожих девушку в длинном сером платье.

Он еще не привык к своему сану и не всегда мог совладать с собой. Его фигура как бы раздвоилась, представляя фантастический образ человека, стремящегося вперед и в то же время замершего на месте. Их разделяли всего несколько метров, но Бар Селла не поспешил к ней. Андрей понял: раввину нельзя подойти к одинокой женщине и даже смотреть на нее, однако последнее оказалось выше его сил.

Бар Селла улыбнулся, она смущенно кивнула.

Лицо Юдит было скрыто от Андрея, но он сразу догадался, что они знакомы – по их жестам, взволнованным и, очевидно, понятным друг другу. Наконец шум мотора вернул молодого раввина к действительности, он сел рядом с помощником, стараясь принять достойный вид, но по-прежнему не отрывая глаз от Юдит.

Внезапно все в Андрее восстало против этой идиллии: собственное его одиночество, тоска по далекому дому, сознание своей никчемности. На мгновение, когда девушка глянула вслед отъезжающей машине, взгляды ее и Андрея встретились, и у него перехватило дыхание. Все вокруг застлала мутная пелена, голова кружилась – что-то похожее он испытал однажды в Негеве, застигнутый горячей песчаной бурей. Наверное, и теперь причина была в хамсине, усталости, да и сегодняшней дурной вести – о незнакомой девушке он не подумал, как раньше не часто размышлял о прежних своих подругах. Старшеклассниц в школе, а позже студенток неодолимо притягивал взгляд его серых глаз, мягкий и как-то ласково рассеянный, и сильное тело, будто гальванизированное искрами серебристых волосков, и Андрей пользовался этим вниманием, не проявляя особой инициативы. Никогда не испытал он безумной лихорадки влюбленности, подобно сытому человеку, не узнавшему, что такое гложащий изнутри голод...

Опустошенный, Андрей вернулся назад, к церкви, но все, кроме Тины, уже разошлись.

– Ты нездоров? – участливо спросила она и повела его к себе, в небольшую квартирку, которую снимала на другой улице. Тина деловито ходила туда и сюда, накрывая на стол – гибкая, с коротко стриженными льняными волосами, случайная женщина, ставшая для Андрея всем с его ленивого непротивления. Сейчас она исполняла роль матери, встревожено смотрела на него, утешала, предлагая любимую им еду. Но он не мог есть, лег на диван и погрузился в полудрему. Ему казалось, что он еще там, в раскаленной пустыне, дюны предательски осыпались под ногами и колючий песок закрывал землю и небо.

– Пить, – вслух подумал он.

Тина принесла ледяной колы и уже в качестве друга, посвященного в его нехитрые грехи и не раз прощавшего их, предположила:

– Уж не влюблен ли ты?

Эта фраза, как внезапный порыв ветра, разорвала окружавшую его мглу, и тогда необычное лицо девушки, как бы маячившее вдаль, приблизилось и заслонило собой все. В нем был сам Восток, но не нынешний, повседневный и серый, а таинственный, красочный, из детства, открытый ему дедом Павлом. Старик любил пересказывать библейские истории, веря каждому слову древней книги, кроме национальной принадлежности ее персонажей. Разве они похожи на евреев? – сердито фыркал он. Родители, со своей стороны, всячески старались развеять религиозную подоплеку дедовских откровений, так что в памяти Андрюши они остались просто увлекательными сказками: вот фанатичный Авраам заносит нож для заклания сына, властный и суровый голос напутствует Моисея из неопалимой купины, волосатый Самсон обрушивает храм на коварных филистимлян, и распятый Иисус воскресает, чтобы спасти людей...

Дед оказался прав. Люди, которых встретил здесь Андрей, будто не имели отношения к тому могучему племени. Их полностью поглощала мелочь ежедневных забот, жалкая междоусобная грызня, корысть и суетливое копошение в лабиринте улиц с навечно оставленным мусором у разрушенных и даже недавно отстроенных домов.

Но она была другой.

Андрей снова увидел ее наивный, еще детский рот и – в неожиданном контрасте – узкие скулы, словно изогнутые под тяжестью черных кристаллов глаз. Лицо ее, золотисто-смуглое, было как-то беспомощно открыто и выражало нетронутую чистоту и ранимость. Андрей не мог бы сказать, красива ли она, но ее неповторимость не вызвала сомнений. Он знал: это единственный экземпляр. Казалось, в ней необъяснимо проросло семя давно угасшей расы, еще не униженной глумлением римлян, изгнанием из Испании и дикой кровью арабов, насилующих еврейских женщин.

И Андрей потянулся к ней из глубины своего одиночества и желания любви, не утоленного женской искушенностью. В нем проснулось то, что дремлет в каждом мужчине – вера в целительную силу девственности, которая одна может наполнить смыслом его душевную пустоту. И в этом, как удивленно сознавал Андрей, не было ничего от вожделения, охватывавшего прежде его тело...

Между тем в Тине разыграла опытная любовница:

– Не грусти, я знаю отличное средство от любой болезни, – быстро проговорила она, обнажая великолепную грудь, но Андрей продолжал отчужденно коситься в сторону. Ему уже было не понятно, как он до сих пор терпел это – тинино единственное решение всех проблем, цветные стеклянные безделушки на этажерке и вышитый сверкающими нитками ковер. Пробормотав несколько слов, он внезапно кинулся к двери.

– Ну и черт с тобой! – донеслось ему вслед...

Так Андрей стал жить двойной жизнью влюбленного. Не отличаясь особой общительностью, он и вовсе затаился в себе. Для других, однако, старался выглядеть прежним – спокойным, уравновешенным, хотя мозг его был напряжен и целенаправлен, как у охотника, идущего по тайному, только им узнаваемому следу.

Будто гуляя, ходил он вдоль улицы, где встретил Юдит, а взгляд зорко изучал каждого, кто попадал в поле его зрения. Слонялся по ближайшим бульварам и площадям, и однажды, скрывая усмешку, смешался с толпой у синагоги. «Брожу ли я вдоль улиц шумных, вхожу ль во многолюдный храм», – вспомнилось ему, и он решил, что, возможно, это какой-то знак, пророк все-таки. Волнуясь, вошел внутрь, получил от служки бумажную кипу и кланялся, подобно другим, незримому божеству, исподволь осматривая балкон, где молились женщины – но напрасно, обманул арап, беззлобно съязвил Андрей.

Его мучила бессонница, в полночь он глотал снотворное, чтобы забыться на несколько часов, просыпался, затуманенный, не понимая, снилось ли ему что-то или было наяву, и вдруг увидел ее с раввином, побежал за ними, но это оказались Сенька и Клара, его жена. Тут он вскочил и ахнул, как же он сразу не догадался, ведь Сенька знает все и вся, и немедленно позвонил ему. Ты с ума сошел, возмутился сонный голос, сейчас пять утра. Андрею некогда было извиняться, понимаешь, я остался без работы, как, не может быть, да, явился вылощенный молодой раввин, заявил, что в этом месте раскопки запрещены, я потом видел его с необыкновенной девушкой, а, зевнул Сенька, я их знаю, сердце Андрея сжалось, это Натан Бар Селла и Юдит, она бывает у жены, шьет что-то, Сенька взмолился, слушай, дай еще немного поспать, приходи к нам, поговоришь с Иосифом, он юрист, посоветует что-нибудь насчет ваших раскопок – и положил трубку.

– Юдит, – пробормотал Андрей и повторил на иврите с придыханием, которого нет в русском: – Ехудит.

Он долго лежал, измученный, не в силах сосредоточиться. Заняться было нечем, работы не возобновлялись, во всяком случае, до рассмотрения судом жалобы Георгия Аполлинарьевича. Андрей развернул газету «Маарив», которую читал ежедневно, чтобы совершенствовать свой иврит. Потом встал, побрился, критически осматривая длинные русые волосы с металлическим оттенком и твердо очерченный фамильный подбородок, часто решавший за него, что нужно делать.

Приняв душ, Андрей поехал в гости...

Редкий человек не входил в число сенькиных друзей или знакомых. Андрей подружился с ним в четвертом классе, и тот, уже тогда неугомонный и шумный, зазвал его к себе, в огромную несуразную квартиру, плотно населенную бесчисленным семейством. Отец Андрея, как всегда, снисходительно улыбался, а мачеха пыталась расстроить эту дружбу, убеждая, что нужно держаться своего круга. Но он даже не успел выяснить, нравятся ли ему эти постоянно взволнованные, говорливые люди. Его захватила суэта, сотрясавшая старые стены – лихорадочная спешка без видимой причины, крики, бег с тарелкой и ложкой в руках за малышами, не желающими есть, поиски пропавшей вещи в распахнутых шкафах, что завершалось отчаянием: украли, я повешусь, сколько нужно просить закрывать двери на ключ, запах пригоревшей пищи из кухни и непрерывное поглощение того, что осталось съедобным, всеобщий просмотр фильма по телевизору, реплика с пола: папа, что он делает с тетей, мгновенные ссоры навсегда и слезы, немедленное примирение и смех – и все это сопровождалось упражнениями на скрипке, доре-соль, вопил учитель, это же Моцарт, Моцарт!

Здесь жизнь подчинялась строгому закону коловращения: мальчики и девочки, подрастая, обзаводились семьями, зачинали потомство – древние покидали грешную землю, но не раньше, чем появлялся новорожденный. Круг замыкался.

Сенька решил прервать это однообразное движение и уехать в Израиль, но за ним потянулась вся родня – его и жены. Он носился по Питеру, закупая всякую дрянь и соря деньгами, которые текли в его карманы из какой-то полулегальной фирмы...

Через год, когда Андрей приехал в Иерусалим с партией археологов, Сенька почти не изменился, с семейным коловращением тоже все обстояло исправно, хотя иногда возникали проблемы. Вот и сегодня, придя с тайной надеждой встретить Юдит, Андрей немедленно стал участником очередной драмы.

– Ты вовремя, – пробормотал Сенька, чем-то не на шутку расстроенный, и втокнул его в большую комнату, до невозможности набитую родственниками. – Бабушка Соня, – произнес он дрожащим от тревоги голосом, – смотри, Андрюша здесь, может быть, ты хоть его послушаешь?

– Что случилось? – спросил Андрей.

– Она собралась умирать, – всхлипывая, пояснила Клара, просто глупость, продолжил ее отец, ей всего восемьдесят лет, сообщила мать Сеньки, племянник добавил, только жить и жить, нянчить правнуков, кивнул кто-то, чье имя Андрей не знал, стоящая рядом также безымянная старушка прошамкала, аби гезунт (лишь бы здоровье), остальные присутствующие поддакивали, подобно хору в греческой трагедии, поставленной на сцене Бердичева.

– Как вы себя чувствуете, бабушка Соня? – поинтересовался Андрей.

– Плохо! – бодрым басом отвечала глава клана, седая, но гренадерского сложения. – Моя самая молодая внучка должна родить, значит, пора освободить место.

– Да когда еще будет ребенок! – воскликнула Клара, рыженькая, миниатюрная и очень мило беременная. – Не раньше, чем весной.

– Не ври, я случайно видела, как вы делали это на диване в гостиной. Через месяц и родится!

Клара покраснела, а Сенька восхищенно прошептал Андрею на ухо:

– Все знает! Ей бы в модиине служить!

– Хорошенькая новость! – возмутилась его мать. – Значит вы, у всех на глазах...

– Ты лучше помолчи, – одернула ее бабка, – и вы с мужем тоже не были святыми!

Сенька повернулся к Андрею:

– Ну, скажи ей что-нибудь!

– Бабушка Соня, – начал тот, стараясь быть серьезным, – эта теория ничего не стоит. Индусы называют ее реинкарнацией, евреи – переселением одних и тех же душ в другие тела, так что если в ней заключена правда, то люди никогда не увеличивались бы в числе. Но в Индии, например, население перевалило за миллиард, да и в Израиле умножилось во много раз.

Отвисшая золотая челюсть лучше слов выражала, как бабка потрясена услышанным. Ее сестра, бледная старая дева, сказала:

– Я всегда говорила, что и среди русских есть умные головы. Спасибо тебе, Андрюша. А почему ты такой худой? Наверное, не ешь ничего? Давай я тебя покормлю!

– Оставь его! – оборвала бабушка Соня и, кряхтя, покинула кровать, широкую и мощную, символ непрерываемости рода. – Тебе известно, что он любит? Идем, золотко, со мной!

Кризис миновал.

Счастливые Сенька с женой повели Андрея в столовую. Открыли водку. Бабка ставила тарелки с едой, приговаривая:

– Котлеты остались со вчерашнего обеда, картошка – с ужина, а селедка – с утра.

– Да тут просто Интеллигент сервис! – заявил Сенька и наполнил рюмки. – Лехаим! Выпьем и закусим. Друзья познаются в еде.

Клара подняла на гостя лукавые карие глаза:

– Меня сразило твое красноречие!

– Ты бы слышала, как Андрей шпарит на иврите, а ведь он здесь всего два года!

– Я думал, что после школы пойду изучать языки, – сказал Андрей, – но как-то случайно попал на лекцию Георгия Аполлинарьевича и решил – буду археологом. А потом понял, что можно совмещать то и другое.

– Да, у него масса талантов, – бубнил Сенька с полным ртом, – в Помпеях, например, он долго смотрел на труп, залитый магмой, и понял, что это женщина, причем очень красивая, а потом писал мне, что часто представляет себе, как она кричит, обожженная, и чтобы спасти ее, Андрюша разбивает застывающую лаву.

Он закашлялся, едва не подавившись, и Андрей любовно похлопал его по спине. Отдышавшись, тот продолжал, свирепо глядя на друга:

– Необузданное воображение – главное в характере этого чужеземца, идеалиста чистой воды, а такие люди опасны, потому что для осуществления своих фантазий готовы перейти любые общепринятые границы.

Иногда Сенька забывался и открывал острый ум, который прятал за внешностью рубахи-парня.

– Кстати, о границе, – добавил он. – Когда комиссия в Питере решала, кого послать сюда, он поведал им, что его тетя замужем за главой израильского комитета по археологии, и даже фамилию назвал, которую я сообщил ему по телефону.

– Андрюша, – спросила Клара, – а почему нельзя было поручить это бригаде рабочих?

– Так и сделали сначала. Потом кто-то из России нагрянул сюда, в церковь и поднял крик, что они портят уникальные ценности, хуже того – крадут. Тогда послали нас.

– И все же раскопки прикрыли. Как ты объяснил это своим?

– Сказал, что брак расстроился.

– Почему?

– Из-за дядиного сварливого характера.

– А не тетиного?

– Нет, – вмешался Сенька. – Его тетя самых честных правил.

Они посмеялись. Сенькины маленькие глазки блестели от удовольствия.

– Еще по одной? Слушайте, а не двинуть ли нам втроем, вернее втроем с половиной, в какие-нибудь экзотические края – в Америку, что ли, в Северной я уже был, значит, в Южную, не в Центральную же. Что мне Куба?

– Тебе попался плохой перевод Гамлета, – обняла его Клара.

Андрей невинно спросил:

– А он посвятил тебя в свой оригинальный способ улизнуть от армии?

Тяжелая ножища двинула его под столом.

– Э нет, ты что про меня наплел? Око за око. (Сенька быстро вставил – как советовал Моше Даян.) Итак, твой суженый бросает школу, и поэтому получает повестку из военкомата. Он пишет на ней вот такими буквами «гомосексуал», фотографирует нас обоих совершенно голыми, меня сзади, а себя спереди (ибо сраму не имут, сказал Сенька), и отправляет все обратно.

Клара резко отложила вилку в сторону.

– Нелепо, – оробев, стал оправдываться ее уже захмелевший супруг, – в смысле «ли ны бяшь, братие».

Андрей подхватил:

– Как ныне собирается вещей Игорь...

– Олег! А знаешь, за что он хотел отомстить неразумным хазарам? За то, что они приняли иудейство!

Кларе все это очень не понравилось.

– Интересные подробности узнаешь о своем возлюбленном после свадьбы!

Величественно, насколько позволял ее маленький рост, она оставила друзей, но через минуту появилась снова, возбужденно жестикулируя:

– Вы не можете это пропустить! – и на цыпочках приблизилась к нише, ведущей в кухню.

Там бабушка Соня просвещала своих правнуков, проворно вталкивая кашу в их открытые от удивления рты:

– Вот если вы будете послушными детьми, то вашими именами назовут нужные вещи. Например, одна девочка Хоналэ очень хорошо себя вела, и это имя дали хонодильнику. Ее сестренка Цилечка тоже была умницей, и так получился целевизор. А по имени сына наших соседей Пинечки называли пинесос.

Задыхаясь от сдерживаемого хохота, Сенька потащил Андрея и Клару назад:

– Интересно, слышит ли она такие анекдоты на улице и выдает за свои, или сама придумывает, а они потом расходятся дальше?

– Ну, гомики, – Клара, устало улыбаясь, погладила живот, – у меня есть еще дело. Скоро придет Юдит, а я не приготовила ее блузку к примерке.

Андрей встрепенулся. Оставшись наедине с Сенькой, сказал быстро:

– Я должен увидеть ее!

– Кого?

– Юдит.

Тот смотрел на него как на сумасшедшего.

– Вот оно что! Ну, тут ничего не выйдет. Говорят, у них с раввином скоро помолвка. Он известный богослов и политик, его прочтат в замминистра. А сама она – из верующей семьи, очень интеллигентна и кончает Университет «Бар Илан».

– Верующая? – только сейчас понял Андрей, бледнея. Но это уже ничего не могло изменить, как и ничто другое в мире. – Все равно, все равно... – Андрей понизил голос, потому что в конце коридора показалась странная темная фигура.

– Иосиф! – позвал Сенька. – Здесь Андрюша. Я говорил тебе, что у него проблема с работой. Можешь дать ему дельный совет?

– Прошу! – тот вошел в комнату, оставив дверь открытой.

– Иди один, – прошептал Сенька, – я его боюсь. Знаешь, он нам не родной, его усыновила когда-то бабка Соня...

Андрея встретил тощий, в теплом халате до пола человек, которого он не сразу узнал – так постарел Иосиф. Он без лишних слов показал гостю на стул в углу, очевидно, подальше от себя.

– У меня мало времени, – его тусклые, почти невидимые зрачки нетерпеливо оглядывали полки и шкафы, где в нерушимой пыли покоились бесчисленные книги.

«Уж не затеял ли он генеральную уборку?» – предположил Андрей, настроенный саркастически.

Иосиф, словно оскорбленный подобной мыслью, заговорил быстро и неприязненно:

– Я беседовал кое с кем о твоём деле и вот что выяснил. Рядом с вашей церковью стоял жилой дом, который рухнул вместе с ней, когда «это случилось». Поэтому при раскопках вы можете задеть тела погибших, что запрещено. Все они в свое время будут преданы земле в соответствии с традицией. Малейшее исключение из этого правила станет прецедентом для осквернения еврейских могил в любом месте и под любым предлогом, скажем, из-за необходимости провести шоссе на окраине Петербурга.

Андрей сделал протестующий жест, но Иосиф не дал ему произнести ни звука.

– Нам обоим известно истинное положение вещей. Я знаю Россию – я любил ее, мою родину, ее природу и культуру, но без всякой взаимности. Ваши лучшие умы терпеть не могли мой народ – Достоевский, Гоголь, Чехов и даже прекрасный Пушкин – помнишь строки: «Ко мне постучался презренный еврей». А ведь сам он, возможно, тоже из нашей братии. Но я ни на кого не обижен. Нас трудно и не нужно любить.

Иосиф подошел к маленькому, почти келейному окошку, и оно бледно осветило его голову, обросшую белесыми волосами так, что из них выглядывали только нос и колоссальный лоб с множеством мелких морщин, которые беспрерывно менялись подобно надписям на экране. И лоб этот говорил:

– Евреи начали свою историю, когда уже процветали цивилизации Китая, Египта и Греции. Люди жили там, как и в других языческих странах, согласно потребностям своего организма, желающего есть и совокупляться. Никто не мог требовать от них какой-либо морали, потому что собственные их боги обманывали, развратничали, убивали. И вдруг какое-то неизвестное племя ворвалось в этот «паганый» мир, и позвало всех в мечту, где никто не будет уби-

вать, воровать и прелюбодействовать. Эти заповеди стали вызовом самой природе. Мы взвалили на человечество невыносимую тяжесть Моисеевых скрижалей, и оно возненавидело нас!

Иосиф остановился, не зная, интересно ли все это собеседнику, но так уж была устроена физиономия Андрея, что она невольно располагала к откровенности, да и сам он любил больше слушать, чем говорить.

– Кроме того, мой народ отталкивал чужих какой-то особой, чуть ли не зловещей тайной. А она проста и заключается в том, что мы не меняемся. Идя сквозь время, евреи на своем пути бросают бурлящим вокруг народам новые идеи – Христа, Маркса, Ленина, на которых те строят свои культуры. Но сами мы остаемся прежними!

Чувствовалось, что эта мысль доставляет Иосифу большое удовольствие.

– Тебе, конечно, трудно представить, что те, великие, открывшие монотеистическую эпоху в истории – праотцы евреев, которые живут сейчас в Европе, России и здесь.

Со стола, загроможденного книгами, Иосиф взял толстый пожелтевший том и потряс им в воздухе:

– Свокорыстные, мелочные, жадные, туговыйные, – так писал о нас знаменитый Иоанн Златоуст. – И он прав! Но из этого материала были созданы Авраам, Моисей, Исаак, и когда нынешняя цивилизация погибнет, из него же возникнут вожди будущего общества!

Он снова вернул книгу на стопку таких же фолиантов, и та под собственной тяжестью стала соскальзывать вниз. Андрей сделал попытку пододвинуть ее ближе к середине, но остановился от окрика:

– Пожалуйста, не трогай ничего!

Внезапно ему стало ясно: этот человек, неопрятный, неряшливо одетый, живущий в затхлой монашеской келье, брезговал его присутствием.

– Прости, – пробормотал Иосиф, – сегодня мне трудно играть роль радушного хозяина. В этот день, семьдесят три года назад, немцы расстреляли мою семью. Я, малолетний, спасся в канализационной трубе, где в темноте и вони прятались такие же сироты... А сейчас я сижу и спрашиваю себя: почему? Неужели потому, что мы – как писал дальше в списке наших пороков Златоуст – пучеглазые, крючконосые и толстогубые? Но разве за это убивают? Или за то, что евреи отдали на распятие Христа? Да ведь нацисты отрицали Бога и преследовали своих же священников! Я хочу знать, как объясняют это нынешние немецкие историки в школах и университетах, окруженных цветниками, фонтанами, скульптурами Гете, Бетховена и Фридриха Великого, в стране, где – так рассказывал мне Сенька – люди, встречая кого-нибудь, пусть незнакомого, говорят с милой улыбкой: гутен таг! Никто не знает, почему произошло то страшное, кровавое. Только я. Суть в том, что немцы – самый чистоплотный народ на свете. Они моются несколько раз в день, после чего надевают свежее немецкое белье, даже если не занимаются физическим трудом. Что же сказать о таком трудоемком, хотя и приятном процессе, как уничтожение неарийской расы! Тут они не идут ни на какие компромиссы – принимают ванну вечером, утром и днем – гутен таг! Но и это не все. Немец не довольствуется простым мылом, только высшего сорта. И здесь выяснилось, что хотя евреи отвратительны, но именно из них, а еще лучше из их детей, белорозовых, жирненьких и пухлых получается превосходное мыло!

Андрей, до сих пор рассеянно слушавший Иосифа, испуганно глянул в его глаза и увидел в них боль и беспомощную тоску человека, пытающегося не сойти с ума.

– Я читал, что из каждого ребенка можно сделать сто благоухающих кусков мыла!

Цепкие пальцы Иосифа хватили Андрея, не давая ему уйти.

– Ты думаешь, элита Райха не пользовалась этим мылом? Ошибаешься! Сама Ева Браун терла им свои роскошные немецкие формы, прежде чем лечь в немецкую белоснежную кровать к немецкому фюреру, которому одному позволялось не мыться. Но зато он точно рассчитал, сколько следует уничтожить детей. Миллион, и ни одним меньше! Так он приказал своему

верному Генриху. У самого же Гитлера не было желания углубляться в эту проблему, как и в прекрасное немецкое тело своей подруги, хотя ей это нужно было каждый день: гутен таг!

Андрей, наконец, вырвался и быстро пошел к выходу.

– А как у вас в России обстоит дело с мыловарением? – кричал ему вслед Иосиф. – Я могу поделиться отличным рецептом! Берется трупик еврейского ребенка, желательно еще тепленький...

Андрей уже был за дверью, но перед его взглядом все еще маячила перекошенная физиономия с пеной на губах и включенной бороде, мыльная пена, мелькнуло в его мозгу, он побежал по коридору, чувствуя, что его обволакивает липкая пузырчатая масса, и внезапно увидел лицо, показавшееся ему светлым маяком спасения. Он не мог поверить, на мгновение закрыл и снова разжал веки, но Юдит не исчезла, как во вчерашнем сне, она стояла на веранде и говорила о чем-то с Кларой, затем, попрощавшись, пошла по улице. Андрей медленно двинулся следом.

Девушка свернула к скверику, окруженному старинной чугунной оградой, которую обступали кусты с белыми цветами, похожими на жасмин, но странно съезжившимися и как бы изъеденными ржавчиной. Она попыталась разглядеть скрученные лепестки, опершись коленом о каменную скамью, отчего серое платье туго обтянуло ее юную грудь и бедра, и Андрей отвел глаза в сторону, словно пойманный за подглядыванием.

Внезапно Юдит обнаружила, что она не одна, и повернула к нему голову. Теперь, когда они были так близко друг к другу, Андрей понял, что их разделяет бездна – ее воспитание, будущее замужество, религия. И все же у него вырвалось:

– Здравствуйте, Юдит!

Девушка настороженно спросила:

– Мы знакомы?

– Да.

– Я не помню.

– Обидно, – сказал Андрей. – В вашем лице так много... понимания, глубины. Два дня назад, на улице вы глянули мне в глаза и не почувствовали, что это не случайная встреча? Не может быть!

Растерявшись, она слушала его напряженный, с жестким акцентом голос и, наконец, напомнила себе, что это совершенно чужой человек.

Но он продолжал удивлять ее:

– Я знаю, вы не должны говорить со мной. Вам многое запрещено. Поразительно, как образованные и неглупые люди соглашаются и сейчас жить... в средневековье! Ведь вы и сегодня учите детей тому, что мир создан за шесть дней, а Земле... сколько? – спросил он себя шепотом. Ему, казалось, сносно владевшему ивритом, в присутствии этой девушки иногда приходилось мучительно искать нужные слова.

– Пять тысяч шестьсот пятнадцать лет, – чуть ли не по складам подсказала Юдит и, чтобы объяснить свой назидательный тон, добавила. – Простите, я учусь на педагога. И еще, – она с трудом сдерживала улыбку, – вы так увлечены, что иногда переходите на свой язык.

Тот смутился, а Юдит уже снова была серьезной:

– Но все сказанное вами о нелепости религиозных догм – правда. Я пришла к этому сама – когда «это случилось».

Ее испугала собственная откровенность, но это было то, что долго скрывалось от всех и ждало случая вырваться наружу. Пальцы Юдит тронули покореженный цветок жасмина:

– Я будто пережила такую же мутацию. Все сделалось другим. Бог оставил нас тогда, – она печально глянула вокруг, на остатки сохранившихся там и тут развалин. – А без Него наши обряды и обычаи превратились в бессмыслицу. Признаться, в трудную минуту я еще ищу утешения в молитве, но больше по привычке...

– И с такими мыслями вы хотите выйти... за раввина? – спросил Андрей с какой-то не осознанной еще надеждой.

Она опомнилась:

– Послушайте, кто вы? И почему я стою с вами здесь?

– Я Андрей, сенькин приятель.

– Андрэ, – повторила она как-то по-французски в нос. – Впрочем, вы, должно быть, не зря сказали «приятель», а не «друг». Вот уж два абсолютно разных человека: он – легкий, откровенный, а вы, по-моему, держите все внутри – свое одиночество, тоску по далекому дому и, может быть, девушке...

Так неожиданно проникла она в его, замкнутое от других пространство, что ему стало больно и хорошо, словно от рук матери, когда та врачевала его детскую рану. Растроганный, он сел на скамью рядом с Юдит.

– Что же не дает вам покоя, грустный приятель веселого Сеньки?

И вдруг он пожаловался:

– Я люблю вас!

Она улыбалась:

– Все хорошие люди должны любить друг друга.

Андрей молчал. Он видел Юдит всего один раз, и то мимолетное впечатление только усилилось сегодня – ее маленькое, с гладкой золотистой кожей лицо казалось слишком хрупкой оправой для тяжелых черных глаз.

– Нет, я не хороший человек, – сказал он угрюмо. – Я – предатель! Вот вы говорите о чем-то, и я притворяюсь... что наша беседа очень интересна, но это ложь. А правда в том, что мне нужно, – лихорадочно проговорил он, – поцеловать... ваши губы...

Юдит не выразила возмущения, даже не отодвинулась от него. Она просто перестала присутствовать, удалилась куда-то, и оттуда донесся к Андрею ее внезапно поблекший голос:

– Зачем вы все испортили? При всем нашем тепличном воспитании мы, девушки из религиозных семей, не так уж невежественны. Мне многое известно от замужних подруг, у Клары я смотрю телевизор, читаю романы – у нас дома это нельзя – и скажу без обиняков: то, что происходит между мужчиной и женщиной, вызывает у меня отвращение.

Его это не обескуражило:

– Ну, другой способ продолжения рода не найден.

– Вот-вот: продолжение рода, инстинкт, одна из многих функций организма, не очень эстетичных и связанных с естественной грязью, даже кровью.

– Но без этого мы вымрем! – не сдержал досаду Андрей.

– Почему же? Нынче это возможно и без участия мужчины. Знаете, – она слабо усмехнулась, – мои родители сошли бы с ума, если бы я упомянула об этом при них, но однажды еврейка уже родила сына, оставшись непорочной.

Андрей рассеянно теребил разметававшиеся пряди своих волос, и Юдит казалось, что они плаваются, как серебро от жаркого солнца, обжигая его пальцы.

– Вы, как и я, любите сказки, – пробормотал он. – Но это из нового, христианского завета! Странно, что вы напоминаете о Христе мне, русскому, к тому же э... эпи...

– Эпикорос! (Атеист) – снова пришла она ему на помощь. – Да и как можно делить сказки? Ведь каждая из них выражает общее стремление к совершенству и чистоте. А у девушки есть и реальная возможность достичь этого – остаться девственницей.

И добавила тихо:

– Меня тронула ваша откровенность. Так вот, в память о нашей недавней дружбе, – юмор не был ей чужд, – мне тоже хочется сделать вам признание: я вряд ли выйду замуж. Брак, по-моему, это просто узаконенный разврат.

Андрей был ошеломлен. Мысли его путались, и одна из них шептала ему: тебе опостылела женская опытность, а что делать с ее противоположностью?

– Наверное, вы никогда не были... влюблены, – с горьким превосходством упрекнул он Юдит, и ее опущенные веки дрогнули. – Мой собственный опыт тоже мал, хотя я уже знаю: любовь очищает все, что без нее... низменно. Ваши слова необычны, но я будто ожидал что-то такое с первой встречи. С тех пор мои мысли постоянно заполнены вами. Не пугайтесь, тут нет и намека на что-либо... об этом я запрещал себе думать, чтобы не оскорбить вас.

Серые бесхитростные глаза Андрея, прерывистые нервные фразы, которые он старался как можно правильнее перевести, выражали его чувства так открыто и сильно, чуть ли не патетично, что в ее среде этого нельзя было представить и встречалось только в книгах, которые Юдит читала тайком.

– А желание... прикоснуться к вам, – слышала она, – это попытка удержать вас... единственную среди чужих. – И вдруг он выдохнул в отчаянии. – Я люблю тебя, люблю! – и она улыбнулась, потому что Андрей опять перешел на русский, а он, ободренный этим и уже не владея с собой, впился губами в ее влажно раскрытый рот. На мгновение – бесконечное для него мгновение – Юдит замерла, также лишенная воли, потом резко отшатнулась и, ударившись головой о чугунную ограду, стала медленно опускаться вниз. Андрей подхватил ее внезапно отяжелевшее тело и похолодел. Она была без сознания.

Глава вторая

Одно внезапное мгновение без видимой причины и с одинаковым равнодушием губило надежду или, наоборот, несло спасение отчаявшемуся и называлось «случаем», словом не постижимым и всесильным, как Адонай, Саваоф, Аллах и, возможно, было еще одним именем того же Бога, в которого Андрей не верил, хотя признавал, что тот в своем ослепительном отсутствии влияет на судьбы людей больше, чем любое реальное явление, – случай этот создал Андрея на третьей от Солнца планете не спрутом, не ястребом, не волком, а человеком, сделал так, что он родился в Петербурге, уехал работать на чужбину, полюбил еврейку и сейчас мучительно ждал чуда в больнице «Шаарей цедек», где врач, склонившийся над Юдит, знал, что после колоссальных усилий, когда больной возвращается, наконец, к жизни, что-то, непонятное и властное, может мгновенно превратить победу в поражение...

– Она очнулась! – раздался голос над головой Андрея.

– Что? – не сразу понял он.

– Сотрясение мозга, полагаю, несерьезное, – пояснил врач, худой, в тяжелых темных очках. – Я дал ей успокоительное, пусть побудет под наблюдением до завтра.

Андрею позволили остаться возле Юдит на правах мужа, кем он представился в приёмной. Это вырвалось машинально и удивило его самого. Он не мог предвидеть будущее, но осторожность говорила ему: так надо. Тот самый случай, которому он не переставал удивляться, отдал ему почти незнакомую девушку, и с тех пор Андрея вело какое-то вдохновение, знающее, как удержать её навсегда.

Кроме Юдит, в палате лежала длинноногая мужеподобная девица, беспрерывно ворочающаяся с боку на бок. Иногда она вставала, страдальческой тенью маялась в полумраке и однажды, призналась Андрею тонким, ломающимся фальцетом: тяжело, милый. Ему было жаль её, но он понимал, что это просто избыток жалости к Юдит, разметавшейся, как усталая девочка, на белых простынях.

Утром вбежала сестра, белокурая и толстая, дала Андрею ванночку с водой, сказав по-русски:

– Земляк, тебя как зовут? Я Варя из Самары. Можешь слегка помыть жену – лицо, шею, грудь, а я той займусь, – она хихикнула, кивнув на соседку Юдит. – Ты не поверишь, это был мужчина, а после операции – уж не знаю, что получилось. Ну, сделаешь?

Вот и первое испытание в той новой действительности, которую он сам придумал. Чувствуя себя вором, Андрей осторожно провел влажной марлей по усталому лбу Юдит со сбившимися прядями черных волос, бледно-золотистым щекам, полудетскому рту, казалось, обиженно вспухшему от его вчерашнего поцелуя. Он не хотел думать, что будет дальше, отдав власть пальцам, которые как бы самостоятельно тронули круглый подбородок, скользнули вниз и застыли над узким воротом ее халата. Сам же он старался смотреть на яркую картинку в углу, но тело его, не умевшее лгать, уже ощутило тепло, идущее от груди Юдит, и словно укулось ее острыми сосками. Андрея охватила дрожь, но тут снова раздалась волжская окаящая речь, он стряхнул с себя наваждение, заметив, что его рука по-прежнему висит в воздухе, а Юдит впилась в него огромными глазами. Ну, слава Богу, очнулась, сказала Варя, и упрекнула Андрея, что же ты копаешься, надо все окончить до врачебного обхода. Внезапно ему стало ясно, что сейчас произойдет, и прежде, чем сестра успела распахнуть халат на Юдит, он отвернулся и быстро вышел.

Андрей бесцельно бродил по коридорам, пока уже знакомый ему врач не пригласил в свой кабинет. «Доктор доктор Гохберг» гласила табличка на двери.

– Я настоял на такой надписи, потому что, кроме диплома терапевта, у меня еще и ученая степень в психологии, – объяснил он, снисходительно отдавая должное собственной персоне. – Как мы себя чувствуем?

– Мы? – позволил себя иронично переспросить Андрей.

Тот не обратил на это внимания. Сняв очки, он подписал несколько бумаг и поднял к Андрею бледную физиономию:

– Юдит можно взять домой. Нет никаких последствий её падения, если не считать маленькой шишки на затылке. Кстати, кем она нам приходится?

Оставалось неясным, что означает множественное местоимение – профессиональную привычку или участие в волнениях собеседника.

– Жена, – последовал наглый ответ.

– Бросьте! Я был свидетелем инцидента в палате и понял, что вы еще не видели ее в полном естестве, – он вдруг по-мальчишески озорно подмигнул.

Андрей решил возмутиться, но слова врача звучали спокойно и профессионально, будто он размышлял вслух над абсолютно отвлеченной проблемой:

– Конечно, она совершенно особенная. Красива, невинна, чиста – качества, которые редко соединяются вместе, а совместясь, становятся сокровищем. Однако я не завидую вам. Анатолий Франс сказал как-то: невинные девушки есть, и это истинное несчастье. От себя добавлю – особенно в наш развращенный гедонический век.

Поверх вазонов с фиолетовой бегонией, стоящих на подоконнике, Гохберг окинул взглядом маячившие вдали нагромождения камней:

– Развалины домов – не самое страшное разрушение вокруг нас. Знаете, я человек тихий, меня с детства пугали рассказы об исторических катаклизмах: первой и второй мировых войнах, о революциях – буржуазной, затем большевистской, а по сути еврейской, и антиеврейской – нацистской, установившей Третий Райх, и Четвертый Райх, так я окрестил бы сексуальную революцию по имени ее вождя – Вильгельма Райха. Очень веселая, она тем не менее внесла печальный вклад в падение всеобщей морали. Человеческие ценности были перенесены из верхней половины тела в нижнюю. Тем, кому не дано прославиться умом или талантом, предоставлен теперь шанс выделиться иными способностями – например, количеством совокуплений на единицу времени или внушительностью половых органов. Любопытно, что когда наиболее примитивные племена черной Африки осознали, наконец, необходимость набедренной повязки, авангард белой цивилизации призвал публично обнажить все, что раньше считалось срамным. А дальше – наркотики, американские боевики, где герой ежеминутно посылает своих партнеров «ту фак», порножурналы с женскими ногами, раскрытыми каждому, в том числе детям, которые зовут друг друга «бен зона», сын проститутки, не понимая, что пачкают и себя, и собственных матерей, – Гохберг снова подмигнул Андрею, а тот, как и в первый раз, вздрогнул от неожиданности.

– Извините, – объяснил врач, – у меня врожденный тик, – и, снова водрузив на нос очки, продолжал:

– Многие из нас, даже самые уязвимые, смирились, бессильно отступили перед новой действительностью. Но существуют редкие натуры, которые никогда не привыкнут к постоянной пошлости и грязи, и их жизнь становится непрерывным страданием. Уверен, что наша возлюбленная – среди них.

– Моя возлюбленная! – собственнически сказал Андрей.

– Что? Да, да, конечно, – пробормотал Гохберг.

За темными линзами врача, казалось, не было глаз, а только запавшие тревожные впадины, как у слепого, видящего то, что скрыто от зрячих.

– Я распознал особую ранимость Юдит по ее реакции на то, что произошло между вами. Она была в истерике, полагая, что вы видели ее голой, и понадобилась моя помощь, чтобы

ее успокоить. Однако это спокойствие обманчиво. Должно быть, Юдит нашла единственную возможность очистить себя от унижения. Догадываетесь, какую?

Андрей догадался. Мысли и чувства его были полны этой странной девушкой, которую легко объявил своей женой. И все же то, о чем говорил врач – женитьба – рисовалась его воображению чем-то грубым и лишним, вроде клетки для двух птиц, не стремящихся улететь друг от друга. Но Юдит, Юдит! Воспитание сыграло с ней хитрую шутку. Как остро восприняла она свой мнимый позор, если замужество, бывшее до сих пор неприемлемым, вдруг представилось ей спасением!

– Кроме того, – методично продолжал Гохберг свой психоанализ, словно записывая его в карточку пациента, – по ее одежде можно понять, что она из религиозной семьи. Еврейка, даже родившаяся в галуте, никогда не слыша о едином Боге и не зажигая субботних свечей, хранит в крови отвращение к половому акту, которое идет от мистического первородного греха. Что же говорить о верующей женщине! Вы будете иметь дело не с Юдит, а с Саррой, нашей праmaterью – именно нашей! – подчеркнул врач, – забеременевшей только в глубокой старости, Наверное, потому, что всегда сопротивлялась супружеским притязаниям Авраама.

– Вы не любите верующих? – спросил Андрей.

– Я признаю, что они – реальная сила, способная сдерживать деградацию, падение морали, разврат. После того, «что случилось», когда всеми овладела паника, они, единственные, не пали духом и поэтому на выборах взяли большинство голосов, включая таких заклятых атеистов, как я. Мы знали, что заплатим за это ограничением многих свобод, но тогда казалось, что порядок и спокойствие в стране стоят мессы. Теперь все выглядит несколько иначе. Кстати, операции по изменению пола, подобные той, что перенесла соседка Юдит, больше проводиться не будут. Они запрещены.

Доктор протянул ему конверт с назначениями:

– Так обстоят дела. Желаю удачи.

Андрей вернулся в палату после того, как окончили разносить завтрак. Юдит уже была одета и причесана, но к еде не прикоснулась. Оказалось, что пройти к ней было не так-то просто из-за группы девушек, окруживших кровать носатой соседки. Очень возбужденные чем-то, они говорили все разом и часто смеялись. Андрей поднес чашку с кофе к запекшимся губам Юдит, и она, вопреки его опасениям, выпила.

– Хочешь, уедем из Иерусалима? – спросил он и подумал, что хотя бы в одном иврит удобен: не нужно искать повода для перехода от далекого «вы» к близкому «ты». – Я живу в Эйн Карем, где нет развалин и городского шума и еще остались старые тенистые деревья и нетронутая трава. У меня там домик, и в нем пустует большая светлая комната. Ты будешь совершенно свободна. Да, я... – как это? – эпикорос, но и у меня в душе тоже есть святое, чем можно поклясться. Клянусь: ни я, ни кто-либо другой не станет тревожить тебя. – Он тронул ее руку. – Я буду невидим и неслышим, а если тебе понадобится друг – он будет рядом, за стеной.

Его голос потонул в хохоте девушек, сидящих у соседней постели, и он досадливо оглянулся.

– Не обращай внимания! – сказала самая веселая из них, с крашенными в бордовый цвет волосами. – Мы все делаем вместе, поэтому получается так шумно. Понимаешь, у нас в джаз-банде три девушки и один парень. Вдруг директору приходит в голову идея – уволить его, чтобы был чисто женский ансамбль. Тогда наш приятель исчезает...

Ее подруга, в черной рубаше до колен, продолжила:

– После долгих поисков мы находим его здесь...

Третья, необычайно высокого роста, подхватила:

– Выясняется, что он сделал себе операцию, и теперь... кто ты?

– Я думал... думала... – пропищала та, что лежала на кровати. – Я всегда чувствовал, нет, чувствовала...

– Ну просто спикер палаты! – сострила бордовая, и они стали хохотать все вчетвером.

Тут в дверях появились два новых посетителя, как-то очень похожие друг на друга в своей невзрачности, с испуганно-счастливыми физиономиями.

– Хвала Господу! – сказал мужчина, а женщина кинулась целовать Юдит.

– Мама, папа! – говорила та, беспокойно улыбаясь.

Сильное волнение уже вернуло краску на ее губы и блеск – темным глазам. Трудно было найти в ней что-либо общее с этими людьми, и Андрей еще раз убедился в том, что она принадлежит к особой породе. А может быть, родители извели, опустошили себя, отдав ей щедро и до последней капли все свои соки?

– Мы чуть с ума не сошли, пока нам не позвонила отсюда наша знакомая, старшая сестра, – радостно рассказывала мать. – Правда, Моше?

Муж кивал, исподволь косясь на Андрея, и тот, чтобы никого не смущать, повернулся к веселой девичьей компании, словно был с ними вместе.

– И теперь у нас в джазе, как в кино, только девушки, – ликовала та, что была с бордовыми волосами. – Я – труба! – она издала ртом резкий, почти металлический звук. – Та-та-та!

– Ты говорила, что побудешь у Зивы всего неделю, – упрекнула мать Юдит.

– Там хорошо, мама, тихо, спокойно...

– А я – ударник! – поклонилась Андрею девушка в черной рубашке, отбивая дробь на крышке столика. – Пам-пам-пам!

– Подруга не может заменить семью, – нахмурился отец. – Тебе известно, что должен прийти рав Бар Селла и с какой целью. Это большая честь для всех нас. Почему же тебя нет дома?

Юдит прошептала:

– Ты знаешь почему... И мама тоже. Из-за постоянных ссор между вами. А причина всего – молоденькая продавщица в нашем магазине...

– Я – сакс! – продолжала знакомство самая высокая, нажимая на воображаемые клапаны. – По-по-по!

Отец взорвался:

– Ты, девчонка, не можешь вмешиваться в дела родителей! Не хочешь жить с нами – не надо! Пойдем отсюда, Малка!

– Ну, а я – бас! – жиденьким фальцетом сказала новоиспеченная женщина, как бы перебирая струны гитары. – Тум-тум-тум!

Моше потянул жену к двери, его лицо дрожало, ноги спотыкались, словно путаясь в диком ритме джаза, а Малка тихо плакала:

– Что это?.. Что это такое – «тум-тум-тум»?..

Юдит смотрела им вслед глазами, полными слез.

Из-за непрерывных взрывов смеха Андрей еле уловил ее слова:

– Мне тоже нужно идти. Зива, моя подруга, даже не знает, где я была эти сутки... Простите, что разочаровываю вас. В какую-то минуту мне показалось, что я совсем свободна... но это ошибка... Не провожайте меня...

Юдит медленно прошла к выходу, затем – к стоящему на площади автобусу. Поднялась на ступеньки, взяла билет. Мимо поплыли недавно высаженные деревца, дома – новые и те, от которых остались только стены. Раньше она умела не замечать этого, представляя себе высокие красивые здания, стоявшие здесь когда-то. Нет, сейчас Юдит видела перед собой другое, странное – серые, сосредоточенные на ней одной глаза Андрея, но не лучисто-светлые, а словно погасшие навсегда.

Она вздрогнула, осознав, что все происходит на самом деле: там, на улице, в своем красном стареньком «форде» ехал он, провожая ее безнадежным взглядом.

Юдит втиснулась в глубокое кресло, почти не дыша и не поворачивая головы, и в то же время знала, что тот все еще рядом. Так продолжалось одну, две остановки, три. Потом Андрей пропал, и Юдит – тоже. Она словно перестала ощущать себя, понимать, что хочет и зачем живет. Все стало бессмысленным.

Внезапно пассажиры зашумели, возбужденно показывая на что-то. Она оглянулась и ахнула: вдали, за широким задним окном стояла красная машина, охваченная дымом.

– Остановите! – крикнула Юдит.

Водитель, пораженный отчаянием в ее голосе, осадил к тротуару, она побежала, бессознательно повторяя имя Бога, и вот оно – Андрей жив, невредим и, весь в копоти, возится с какими-то проводами.

Увидев приближавшуюся к нему Юдит, он ударился головой о поднятый капот и, в отличии от нее, вспомнил черта. Но это было последнее слово Андрея, потому что способность говорить оставила его. Не надолго, впрочем.

– Хочешь помочь? – сердце его глухо било в грудь. – Нужно сесть и нажать на газ. Эту педаль.

Он снова склонился над мотором:

– Еще раз! Сильнее! – гаркнул он, уже не совладав с сумасшедшей радостью.

Послышалось знакомое урчание. Никогда он так не любил свою старенькую «какамайку»!

– Подвинься! – пожалуй, это было сказано очень уж по-супружески. Засмеявшись, Андрей рванул вперед, а она обиженно поджала губы...

Но нетронута зеленая трава, смолистое дыхание кипарисов, встретивших их в долине, свободный полет птиц под облаками постепенно оттеснили волнения и тревогу, причиной которых, казалось, был сам город.

Они подъехали к яблоневому саду, и Андрей показал на небольшой домик с голубыми оконными рамами:

– Прощу, – он сделал приглашающий жест.

Юдит задумчиво глянула вокруг, вздохнула и, как бы не заметив дверей, прошла по тропинке вверх между холмов, поросших ромашкой и клевером. Андрей дал ей время наполниться вкрадчивым обаянием Эйн Карема, где, похоже, ничего не изменилось с древних времен: библейская гора Ор, своей тенью умеряющая летний зной, тишина, осенью – жирный запах давленных маслин и ранней весной – буйное розовое цветение миндаля.

Он быстро совершил разбойничий набег на курятник и огород (и то и другое, вместе с жильём Андрея, принадлежало Нисиму, семидесятилетнему темнокожему чудаку). Впрочем, хозяин не дорожил земными благами. Под его теплым крылышком всегда уютились постояльцы, платящие гроши, и откровенные нахлебники, и он, потеряв почти всю семью в страшном переходе из Таймана, относился к своему окружению, как к близким родственникам...

Юдит вернулась покоренная, посветлевшая, села за колченогий стол под яблоней со спелыми плодами и улыбнулась:

– Умираю от голода.

Суетясь, он пододвинул к ней только что приготовленную яичницу, помидоры и лук, первобытно яркие и сочные, будто хранящие секрет простых, давно забытых радостей:

– За кошерность не ручаюсь, но все очень свежее и мытое родниковой водой из колодца.

Она смело и с удовольствием разделила с ним эту роскошную трапезу.

– Ты можешь уехать в любую минуту, – взволновано сказал Андрей, – но там твое прошлое, а здесь... будущее, и еще кое-что, такое же важное. Я хочу, чтобы ты почувствовала... как это звучит на моем языке. Попробуй... повторить за мной: я люблю тебя!

– Лу-блү те-ба! – прилежно, по слогам произнесла Юдит, словно учила сама себя.

– Есть ли в твоих словах что-нибудь, – спросил он, – кроме урока педагогики?

Она не ответила.

Андрей сорвал с ветки два красных ионатана и повел Юдит в старый Эйн Карем по узким изломанным улочкам, сплетавшимся в странный сюрреалистический узор, где история соединялась с легендой и сказкой. Там, по преданию, родился Иоанн Креститель, дальше, почти скрытый высокой стеной, стоит монастырь, который начала строить русская княгиня Елизавета, но не закончив, уехала на родину и была расстреляна со всеми домочадцами Николая Второго. Слева, над обрывом, темнел вход в пещеру, где, говорят, когда-то прятались от погони влюбленные, еврейка и араб, а после смерти их тела превратились в два дерева.

Юдит, потрогав почти сросшиеся вместе ветви алона и элы, перевела грустный взгляд на Андрея, словно спрашивая: «А мы, что ждем нас?»

И Андрей, помогая ей переступить с одной каменной глыбы на другую, вдруг ясно ощутил глубину пропасти под их ногами...

Только Нисим, хозяин, сразу поверил в их счастливое будущее. По обыкновению он колдовал над чем-то в своем винограднике и издали окликнул Андрея. Сам похожий на колдуна, с жесткими буграми на темной физиономии и мелко выющимися косичками, он был как-то благодушно и располагающе безобразен.

– Вот, привел новую квартирантку! – представил гостью Андрей.

Тот понимающе смотрел на них:

– Очень рад! Здесь хорошо.

Из-за густых листьев прозвучало звонкое эхо:

– Хорошо!

Тут они заметили малыша, белокожего и черноволосого.

– Это Туви! – тепло сказал старик. – Мать работает. А он со мной.

Андрей кивнул:

– Мы знакомы, верно, Туви?

– И сколько тебе лет? – поинтересовалась Юдит.

– Заткнись! – буркнул ангелочек, насмешив взрослых.

Хозяин срезал тяжелую янтарную гроздь и преподнес, как цветы, девушке, с которой не сводил глубоких внимательных глаз:

– Вот приходит чужой. И забирает у нас лучшее.

Охнув, он сел на траву и предложил им место рядом с собой:

– Благодать, верно? А я родился в Таймане. В нищете и унижении. Потом семья пошла сюда. Через пустыню. Без воды, без еды, – незалеченная астма вынуждала его делать частые паузы. – Думалось, все мы умрем в дороге. И точно – в живых остались. Только я с братом.

Старик помолчал, стараясь отогнать от себя безрадостные воспоминания.

– А здесь – красота! Все, что вокруг. Посажено собственными руками. Говорили мне. В Эйн Карем лоза не привьется. А вот она, родная! Мне тут каждый листочек знаком. Даже будто слышу их голоса. Может, я в прошлой жизни был виноградным кустом.

Заскорузлая ладонь Нисима легла на кудрявую голову мальчика:

– Как думаешь, капара?

Тот высунул ему длинный язык и пополз за каким-то жучком.

– А Хаим, мой братец. Считает меня ненормальным. Не говорит прямо. Хочу твой виноградник, сад, дом. Только трезвонит всюду. Чокнутый, мол, я. Чтобы упрятать в психушку...

Старик всполошился, не видя мальчика.

– Где же этот непоседа? Его нельзя отпускать. Сбежит!

Кряхтя, он стал искать среди кустов – и тоже исчез. Юдит беспокойно смотрела ему вслед:

– Меня пугают внезапные исчезновения. Люди иногда не возвращаются.

– Да вот он! – сказал Андрей.

– Не вижу.

– Вон мелькнули его глаза!

- Это ягоды винограда блестят на солнце.
- А рядом – длинные вьющиеся волосы!
- По-моему, там молодые побеги цепляются друг за друга.
- Но нельзя же... не различить его мускулистые руки!

Юдит улыбалась:

- Нет, это толстые стволы лозы.

Андрей, однако, был серьезен.

- Не пойми меня буквально, – сказал он. – Я говорю... об общности Нисима с природой.

Он словно сделан из самых необходимых – как это? – частиц, что составляют мир вокруг нас. Такие люди не умирают... просто переходят в растения, плоды, цветы. А я иногда... чувствую себя таким искусственным, никчемным.

Юдит сказала задумчиво:

– У тебя есть то, чего не хватает многим – воображение. Да и у меня оно в избытке. Мы очень похожи.

- Правда? – улыбнулся Андрей.

Он потянул Юдит домой, показал ее комнату, ту, что больше и светлее, и оставил одну.

К вечеру осторожно постучал, а, войдя, поразился произошедшей перемене. Он редко заглядывал сюда. Здесь скопилось множество случайных вещей, приобретенных хозяином в разное время, которые уже не помнили своей первоначальной цели и доживали долгий век одинокие, никому не нужные. Внезапно они были растормошены, очищены от пыли и, расставленные в обдуманном порядке, осознали смысл своего существования, как и сам Андрей с появлением Юдит в его жизни.

Так он узнал ее аскетический нрав: все лишнее было выдворено в чулан, и тогда открылось свободное пространство, ограниченное лишь самым необходимым: монашеский узкий диван предназначался не для сновидений, а чтобы спать спокойно и глубоко, медная гравюра предавалась воспоминаниям о бывшем Иерусалиме, и желтая настольная лампа нетерпеливо ждала вечера, чтобы очертить вокруг строгий овал света.

Задумчивая, свежая после принятого душа, Юдит, как он хотел думать, ждала его.

- Посмотри! – сказала она.

Андрей проследил за ее взглядом – у него на плече застыла маленькая ящерка.

– Это мой друг Гекко, – познакомил он их. – Я нашел его в развалинах, взял сюда и откормил мухами.

Хрупкое, почти прозрачное животное как бы излучало изнутри зеленый свет.

– Гекконы тоже, наверное, мутировали, как цветы в сквере, где мы... встретились с тобой. Можешь потрогать его.

Поколебавшись, Юдит коснулась гибкой шероховатой спинки ящерицы, и та стала краснеть.

– Видишь, ему передаются наши чувства. – Андрей сжал ее руку. – Ты очень волнуешься, правда?

Потом огляделся вокруг:

- Тебе чего-нибудь не хватает?

Юдит ответила тихо:

- Мамы.

Ее распущенные черные волосы блестели, покрытые, словно росой, искрящимися каплями.

– Отец все свое свободное время проводит в молитвах, оставив ей, как принято у нас, заниматься детьми. Потом произошло страшное: моя сестра Орли погибла, когда «это случилось»... Мы родились близнецами, росли как единое существо, и меня постоянно терзает вопрос, почему она, а не я... После той страшной ночи жизнь родителей сосредоточилась на

мне, а я их предала. Я поступила так и с Натаном Бар Селлой. Мы с ним соседи, дружили с детства, и как-то само собой подразумевалось, что будем вместе и дальше.

Юдит, внезапно устав, закрыла глаза.

– Вместе с Орли не стало и моей веры. Я долго ни в чем не признавалась никому, пока Натан не догадался сам. Раву запрещено жениться на эпикурсит, и чтобы не потерять меня, он готов был снять с себя сан. Но это сломало бы ему жизнь. Он умен, честолюбив, несмотря на молодые годы, признан авторитетом в толковании Талмуда, и его ждет большая карьера. Я не могла принять такую жертву.

– И вдруг ты встречаешь гоя... без должностей и званий, только с одним достоинством... голубой кровью в жилах.

– Что? – не поняла Юдит.

– Мой прадед был – как это? – дворянин, – фамильный подбородок Андрея надменно выпятился. – Вот визитная карточка... аристократа. На него можно вешать чайник. Где он у тебя? – Он усмехнулся. – А главное во мне... что я умею любить... как уже никто не любит. Мне кажется, я последний, кому это дано...

И он снова пошел тем же опасным путем, где споткнулся однажды, – медленно приблизил губы к ее губам и почувствовал, что ее спина выгнулась, как струна, готовая оборваться, а на щеку упала слеза, сразу отрезвившая Андрея. Острая мысль заставила его остановиться.

– Я боюсь... между нами не все ясно, – проговорил он, двигаясь неверными шагами вокруг растерянной девушки. – Может, ты сейчас со мной из-за того, что было в больнице? Это ошибка, я не могу воспользоваться ею. Клянусь: ты по-прежнему чиста... Там, в палате, я не видел ничего.

Андрей остановился, обессиленный.

– Мне теперь страшно и легко. Тебе известна правда, и твое решение будет свободным.

Наступила беспокойная тишина.

Гекко, ставший вдруг уныло серым, соскользнул на пол и спрятался в какой-то щели. Солнце медленно уходило из комнаты, уступая ее вечерним теням, которые непреодолимо ложились между Юдит и Андреем. Только сейчас он различил странный шум и глянул через дверь балкона. Внизу двое дюжих парней в белых халатах подступали к Нисиму, а тот беспомощно пятился от них, как затравленный зверь.

– Извини!

Андрей сбежал во двор, заваленный досками и кирпичом, потому что хозяин вечно что-нибудь достраивал в своих владениях.

– В чем дело? – спросил Андрей.

– Они из лечебницы, – произнес старик непослушным языком. – И с ними. Мой брат Хаим.

Невдалеке маячил грузный детина, чем-то неуловимо похожий на Нисима, хотя был намного младше и – по бесконечной иронии природы – с лицом гладким, даже красивым.

– Нечего беспокоиться, – угрюмо процедил он, – всего одна короткая беседа с психиатром.

– Я нормален! – задыхаясь, крикнул старший брат. – Как пятьдесят лет назад. Когда нес тебя, больного. Через пустыню!

– Вы никуда его не возьмете, – твердо заявил Андрей. – Это незаконно!

– А ты кто такой? Ехал бы себе в Россию. Вот где соблюдают законы! – осерчал Хаим и кивнул санитарам.

Тот, что был сильнее и выше, протянул руку к старику, но Андрей оттолкнул его назад. Начали подходить соседи, загораживая Нисима, а сверху, на балконе появилась Юдит. Трое непрошенных гостей совещались шепотом, потом санитары, не глядя ни на кого, пошли к белому фургону, ожидавшему на улице.

– Ты пожалеешь об этом, Иван, – хрипло пригрозил Хаим.

Проходя мимо временной подпорки, которая поддерживала недавно надстроенный карниз дома, он в досаде пнул ее сапогом – и тогда тяжелый бетонный блок пролетел над Андреем.

– Андрэ! – раздался отчаянный крик.

Блок упал рядом, и Андрей, не совсем придя в себя от минувшей опасности, все же нашел силы молодецки помахать Юдит, как какой-нибудь герой вестерна. Смутьившись, она немедленно скрылась внутри.

Люди расходились, хлопая по спинам Нисима и Андрея, а старик тревожно смотрел по сторонам, пока не убедился, что брата и след простыл.

– Пойдем, – предложил он, унимая дрожь, – нужно это отметить.

Они спустились в погреб, прохладный и сырой, заставленный пузатыми бочонками и рядами бутылок. Нисим достал одну из них, всю в паутине, и осторожно откупорил.

– Шардоне пятилетней выдержки. Такое ты у меня. Еще не пробовал. Его пьют в большой радости.

Он до краев наполнил стаканы. Вино было легкое, пряное и как-то по-женски чувственное.

– Ах! – только и вымолвил Андрей.

– То-то! Еще один, и ты готов. Для серьезного разговора. Слушай, – обнял его Нисим. – Я хочу переписать виноградник. На этого мальчонку, Туви. А твой домик – на тебя.

– Не надо, – возразил захмелевший Андрей, – мне ничего не надо.

– Молчи! Брат любой ценой овладеет всем. Я его знаю. Если учует поживу. Украдет у самого Бога... И спросил Он: Хаим, то есть Каин. Где брат твой Авель? А тот: разве я сторож. Брату своему?

Мучительная судорога свела и без того вывернутые губы старика.

– Теперь иди к ней. Как она испугалась! Обо мне так. Не тревожился никто. Ты – бармазаль, счастливчик!

– Да! – Андрей тоже не мог забыть этот крик.

Внезапно он понял, что очень счастлив, и с радостно бьющимся сердцем зашагал домой.

– Юдит! – издали позвал он. Потом постучал. – Юдит, это я!

Ответа не было. Радость его с такой же внезапностью, как и возникла, сменилась непонятным беспокойством. Приоткрыв дверь, Андрей стоял на пороге, вглядываясь в полумрак. Долгая неподвижность Юдит, тишина, не нарушаемая ее дыханием, неестественность позы вдруг напомнили ему другую женщину, ту, в Помпеях, а серое скомканное одеяло – мертво застывшую лаву. Он задохнулся, выпитое вино и страх замутили рассудок. Кинувшись к ней, стал вырывать из остывшего пепла ее похолодевшее бледно-золотистое лицо, маленькие беззащитные груди с наивными сосками, совершенной формы бедра, в глубине которых еще трепетала жизнь за плёнкой окаменевшей магмы, и он ударил ее всем телом, и Юдит вскрикнула, и скорее ощутила, чем увидела кровь, ты убил меня, заплакала она, нет, прижимал ее к себе Андрей, мучась своей виной, прости, и оба упали куда-то и словно перестали существовать...

Она очнулась оттого, что мягкие теплые пальцы трогали ее лоб, щеки, рот.

– Это ты? – спросил он. – Ты?

– Да, – улыбалась она в темноте. – Как ты узнал меня?

– Я почувствовал, что касаюсь кого-то очень родного, и понял, что это ты. По-моему, лучшего способа нет, – он засмеялся. – Хочешь попробовать?

Легко проведя ладонью по его лицу, она прошептала:

– Это ты, ты...

Глава третья

Странная вещь, – увлеченно говорил Георгий Аполлинарьевич, которому любое событие казалось плодотворным источником для размышлений. – Цивилизация веками совершенствовалась, поднимаясь к более сложным формам, и достигла столь высокой степени уязвимости, что случайная неисправность компьютера или перебой электроэнергии способны парализовать жизнь общества.

Такими мыслями, выраженными громко и безапелляционно, он делился с арабом, склонившимся над внезапно заглушим кондиционером. В гостинице, очень старой, часто происходили неполадки, а устранить их умел только Али. В номере нечем было дышать, и профессор чувствовал себя весьма неловко, так как этим утром пригласил коллег, чтобы обсудить новый поворот событий: суд утвердил решение властей о закрытии церкви, и, следовательно, нужно возвращаться домой. Все ждали Андрея, который сообщил по телефону еще одну новость – что он остается здесь, в Иерусалиме.

А пока Георгий Аполлинарьевич продолжал свою беседу с электриком, вытирая платком вспотевшую лысину. Круглая и шишковатая, она белела среди седых, возбужденно вздыбленных волос, как поляна в каком-то френологическом лесу.

– Что ж, приходится пожалеть, что из-за недостатка твоих знаний мне трудно объяснить тебе опасность технологической глобализации.

– Ну, почему же? – спросил Али на том же языке, чем вызвал смех среди археологов, не поддержанный, однако, их шефом.

– Как, ты понял то, что я говорил?

Тот, огромный и черный, скалился белозубой усмешкой.

– Я окончил университет Лумумбы в Москве.

Присутствующие уважительно молчали.

– Кажется, готово, – потянувшись вверх к распределительному щитку, Али нажал какую-то кнопку, отчего кондиционер зажужжал, но комната погрузилась в кромешную тьму. – Виноват. Последняя попытка. Иншалла! – призвал он высшую силу.

Тут свет к общему удовольствию появился опять, и одновременно – Андрей с Юдит.

– Ай да Али, ай да фокусник! – в мрачном восторге вскричал Владимир с лицом худым и язвительным. – А не можешь ли ты восстановить статус-кво – так, чтобы тут опять остались только порядочные люди, – он перевел взгляд на Юдит и растаял, – включая вас, конечно!

Андрей представил ее коллегам.

– О, – не унимался Владимир, – значит, причина страшного предательства – ваша красота!

Саша, полный, добродушный, с веселыми глазами, предложил свое объяснение:

– О, предательства страшного, значит, ваша красота причина!

Третий, Иван, подтянутый, с узкими строгими губами, как всегда, отстаивал особое мнение:

– Женская, значит, страшная красота – предательства причина, о!

За ними слышался высокий холодный смех, приведший Андрея в замешательство: Тина, которая предупредила, что не может придти, невозмутимо сидела в углу.

Между тем Георгий Аполлинарьевич многословно благодарил араба, а тот, вынося тяжелый ящик с инструментами, предупредил:

– Включайте кондиционер на малую мощность, чтобы не выбило фюз!

Профессор пообещал, потом обратился к Андрею:

– Ну-с, батенька, мы уже слышали, что вы покидаете нас. Очень плохо! Но, как я вижу, обстоятельства вас оправдывают, – он улыбнулся Юдит.

– Я хотел бы объяснить вам все, – виновато сказал Андрей, и тот пригласил его в соседнюю комнату.

Трое оставшихся мужчин, глядя им вслед, затянули суровую волжскую песню:

*– Позади их слышен ропот —
Нас на бабу променял,
Только ночь с ней провожжался,
Сам на утро бабой стал...*

– Знаешь, о чем они поют? – спросила Тина.

Юдит смущенно глянула на нее:

– Нет.

Та, решив немного отвести душу, стала подражать ивриту, какой израильтяне привыкли слышать от русских:

– Много лет назад казак Степан Разин восстал против царя, и тот с царицей пошел на него, окружив несколькими бюстгальтерами. А Разин забыл своих товарищей из-за персидской княжны, ее нежной ручки и медового бедра. Казакам надоело все время видеть Степана и княжну в одеялах. Они потребовали, чтобы она лежала на зад, и он бросил ее в реку.

– Боже! – ужаснулась Юдит.

– Да, вот к чему приводит похоть, – кивнула Тина, рассматривая соперницу внимательно и без особой неприязни, потому что хорошо знала цену сияющей белизне своей кожи и скульптурной фигуре. Обидела ее только эта ненужная скрытность Андрея. Женщина современная, она считала свободу – основой интимных отношений и ничего не имела против мимолетной интрижки на стороне, его или своей. Но – она сразу увидела – это не была интрижка.

Наконец, профессор и Андрей вернулись, оба очень расстроенные. Георгий Аполлинарьевич откашлялся:

– Теперь личные дела в сторону. Всем уже известно безобразное решение суда о прекращении наших работ. Были приведены самые нелепые доводы – от религиозных до соображений безопасности. Например, что на территории церкви осталась повышенная радиация с того времени, когда, по известному выражению – «это случилось». Мне это кажется абсурдным. Тут, скорее всего, замешена политика, и я немедленно это опротестую... Однако самое неприятное в другом: «Богородица», наверное, пропадет, затерявшись среди всякого хлама, потому что для израильтян она не представляет какой-либо ценности. А ведь именно вы, Андрей, нашли ее!

...И тот вспомнил волнения первых дней, когда они начали очищать церковь, обнаруживая в земле то подсвечник, то крест или кадило, но главная ее достопримечательность – икона четырнадцатого века – не попадалась нигде. Ему пришлось в голову осветить фонариком ломаную дыру в полу. Внезапно что-то быстрое, кажется, ящерица, скользнуло по нему, он инстинктивно попытался смахнуть ее и, потеряв равновесие, рухнул в провал. Сверху послышались испуганные крики, но он был слишком ошеломлен, чтобы ответить. Нога, сдавленная чем-то с обеих сторон, горела от боли, лицо и руки саднило. Потом констатировал:

– Я жив!

– Что? – панически переспросила Тина.

Андрей сказал громче:

– Все в порядке!

– Как вы там? – встревоженный бас профессора заполнил сумрачное пространство вокруг него.

– Сейчас осмотрюсь. А!

– Что, что? – раздались испуганные голоса.

– Она, «Богородица»! Ах ты, милая! Совсем не пострадала, не в пример кое-кому из простых смертных.

На этом его бодрчество окончилось, и он застонал. Ему приходилось упираться в стену одной ногой, чтобы не повиснуть на той, которая застряла между каких-то балок.

Георгий Аполлинарьевич крикнул:

– Я сейчас же вызываю пожарных и скорую!

– Ни в коем случае, – откликнулся Андрей. – Это место сразу объявят аварийным, и раскопкам конец!

Там совещались:

– Нужно кинуть ему веревку!

– Нет, те, что у нас, слишком тонкие.

– А если разорвать нашу одежду на полосы и связать вместе? – предложил женский голос.

– Очень романтично, Алевтина! – сказал профессор, питавший слабость к старорусским именам.

– Ну вот, женщина никогда не упустит возможность проявить свой природный эксгибиционизм, – заметил Владимир. – Андрей, у тебя есть конкретная идея?

– Да, нужно связаться с моим приятелем, – Андрей назвал номер. – Пусть придет с хорошим канатом!

– Немедленно звоним!

Стало тихо. Андрей снова сделал напрасную попытку освободиться из тисков. Приятель, процедил он сквозь зубы. Если беда, то сразу – Сенька, Сенька! Но – приятель, не друг. Наверное, я антисемит, сволочь.

Что-то нежное и мягкое коснулось его руки – маленькая ящерка, светящаяся изнутри голубым светом.

– Пришла извиниться? – спросил Андрей, стараясь отвлечься от боли.

Она медленно порозовела, вероятно, от смущения.

– Побудешь со мной?

– Ладно, – просигналила та.

– Он выезжает! – сообщили сверху обрадованные голоса.

Потом ему спустили бутылку с водой и – особая честь! – колоссальный, замечательно пахнущий сэндвич, который профессор делал себе сам перед выходом на работу, никому не давая проникнуть в тайну его приготовления, а тем более – попробовать.

– Будем ждать, – сказал Георгий Аполлинарьевич, – а поскольку уже доказано, что время похоже на норовистую лошадь, мы подстегнем его кнутом интересной беседы. Вы готовы, Андрюша?

– Готов!

Собственно, случайная встреча с Георгием Аполлинарьевичем и решила судьбу Андрея, когда он однажды зашел в институт к знакомой девушке. Майсь в ожидании конца занятий, Андрей заглянул в аудиторию и услышал зычный голос профессора, рассказывающего о том, как была поднята крышка с саркофага Тутанхамона и показалась его золотая маска. И потом, все последующие годы учебы, Андрей с трепетом ожидал этого зрелища – лекций Георгия Аполлинарьевича, где тот ошеломлял студентов какой-нибудь новой, совершенно фантастической теорией о разрушении Карфагена, грозно поносил ее противников, смешил всех каламбурами, ранил цифрами, ласкал стихами, не забывая посыпать пресный хлеб фактов экзотической солью фантазии, цитировал персов, греков и римлян, то кричал, то опускался до драматического шёпота, увлекаясь ассоциациями, оригинальными, красочными, но с единственным недостатком – отсутствием какой-либо связи с сегодняшней темой, – все это держало студентов в постоянном страхе потерять нить его рассуждений, о чем он обязательно спросит на экзамене, и они, впад в полную протрацию, надеялись только на то, что профессор,

погрузившись в дебри философии, не сможет найти дорогу назад, однако Георгий Аполлинарьевич уже перед самым звонком окидывал их победным взглядом и плавно возвращался к своей начальной мысли, завершая ее какой-нибудь латинской поговоркой...

– О чем же нам сейчас поговорить? – спросил профессор.

По невыносимому скрежету можно было понять, что он усаживается ближе к месту аварии.

– О любви, – предложила, естественно, Тина.

– Ну, это совершенно непостижимо, – возразил Саша.

– Верно, – согласился Владимир, – Лучше быстренько решить проблему попроще, которая называется – Бог!

– Отлично! – сказал Георгий Аполлинарьевич. – Попробую объяснить, что я думаю по этому поводу. Начну издали. В моем белобрысом детстве мы с отцом увлекались игрой, придуманной им специально для меня. Нужно было закрыть глаза и представить себе, что ты летишь на Луну или на одну из планет. Тот, кто первым заявлял: я приземлился! – выигрывал. Но потом победитель был обязан рассказать, как проходило путешествие, с деталями, вычитанными, конечно, из книжек... Прошли годы, я возмужал и остепенился, то есть получил ученую степень, и вдруг меня поразила мысль, а не было ли в моих детских полетах чего-то большего, чем фантазия? В самом деле, мысль, кроме ее умозрительной ценности, является физической частицей нашего мозга, энергией, которую можно объективно измерить, например, при энцефалограмме. Значит, человек, воображающий, что он опускается на далекое небесное тело, в каком-то смысле делает это реально, но в минимальную единицу времени и без сложной, дорогостоящей аппаратуры!

– Никогда не слышал ничего подобного! – сказал Саша Владимиру, толкнув его локтем в бок. Георгий Аполлинарьевич улыбался, не сомневаясь в искренности своих коллег.

– И тогда, – профессор, ободренный поддержкой, уже кричал на всю церковь, – я серьезно задумался о нашем мозге, его безграничных возможностях, о том, что он, ничтожный по величине, вмещает в себя всю Вселенную, им же открытую, и понял: да ведь это и есть тот, кого друиды искали в растениях, египтяне в животных, греки на Олимпе, евреи в неопалимой купине, а христиане на Голгофе – Бог! Именно он – и никто другой – выбил на скрижалях моей души: не убий, не укради, не прелюбодействуй!

Но мой бог, мой ум, мой разум никогда не велел мне заколоть собственного сына и истребить аборигенов земли Ханаанской!

Вы спросите: а как же он удостоил своим присутствием каждого из нас, таких слабых и жалких? Уверенно отвечаю: так же, как и библейский Элохим появился в монотеистическом мире, то есть совершенно непознаваемым образом. Разве ортодоксальные верующие не удовлетворяются этим ответом?

Андрей был поражен, что, впрочем, случалось после каждого откровения профессора.

– Постепенно я стал делить людей на тех, в ком горит этот божественный огонь – разум, и остальных, чье имя легион, в которых он только тлеет и быстро гаснет, а вместе с ним ум, чувство и, по выражению Канта, нравственный закон в нас. Как печально думать, что никто из них, прожив, может быть, долгую жизнь, никогда вслед за Болконским не поразится мудрости высокого неба, не полюбит женщину, как Вертер, не заплачет над смертью человека, слушая финал Патетической.

– Замечательно сказано! – подмигнул Иван товарищам.

Профессор сиял:

– Мы словно живем в разных измерениях. Порой кажется, что стоит только найти нужную формулу, изменить какой-то код, и эти несчастные осознают трагическую, глубокую красоту жизни – ведь оба наших мира состоят из подобных частиц, но заряженных противоположно. И верно: те же линии, что бессмысленно покрывают полотна ультрамодерных художников, есть

и у Пикассо, где они превращаются в геометрический ад с изломанными квадратами ужаса, острыми треугольниками отчаяния, пронзительными зигзагами боли. Из семи звуков, составляющих водуистскую какофонию рок-н-ролла, создана гениальная Лунная соната; почти то же слово, выражающее предел мечтаний мещанина – джакузи – было когда-то криком души потрясенного делом Дрейфуса Эмиля Золя – жакюз! – я обвиняю! – и чуть ли не та же проблема, которая волнует круглую, как мяч, голову футболиста: забить или не забить, стояла перед Гамлетом, мучительно раздумывающим о сущности бытия... Ну-с, Андрюша, согласны ли вы с моей концепцией Бога?

– Да! – откликнулся тот из своего подземелья.

– Прекрасно. *Ubi concordia ibi Victoria!*

Внезапно в церковь ворвался кто-то тяжелый и пыхтящий, и пол задрожал, будто от слоновых шагов – сенькиных, сразу понял Андрей.

– Где? – в ужасе спросил он и через минуту уже спускался вниз, обвязанный канатом поперек толстого тела, внезапно застрял на половине пути, качаясь из стороны в сторону, как висельник, не дождавшийся помилования, но после хорошего русского ругательства поплыл дальше и уже держал Андрея в железных объятиях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.